

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЮ
НЕЗАВИСИМОСТИ ИНДИИ
(1947—1972)

DEDICATED
TO THE 25TH ANNIVERSARY
OF INDIA'S INDEPENDENCE
(1947—1972)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГЕ

ВЫП. XIV

ИНДИЯ — СТРАНА И НАРОД
К н и г а 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

П. Ф. Беликов

НИКОЛАЙ РЕРИХ И ИНДИЯ

Разносторонняя деятельность Николая Константиновича Рериха (1874—1947) давно уже является темой многих исследований. И какую бы сторону мы ни взяли — Рерих-художник, Рерих-мыслитель, ученый, писатель, педагог, путешественник, общественный деятель и борец за мир, — каждую из них пронизывает «сквозная» тема — Рерих и Индия. Эта страна с ее древнейшей культурой рано привлекла к себе внимание Николая Константиновича. Он писал: «От самого детства наметилась связь с Индией. Наше имение „Извара“ было признано Тагором как слово санскритское. По соседству от нас во времена Екатерининские жил какой-то индусский раджа, и до последнего времени оставались следы могульского парка. Была у нас старая картина, изображавшая какую-то величественную гору и всегда особенно привлекавшая мое внимание. Только впоследствии из книги Брайн-Ходсона я узнал, что это была знаменитая Канченджунга. Дядя Елены Ивановны¹ в середине прошлого столетия отправился в Индию, затем он появился в прекрасном раджпутанском костюме на придворном балу в Питере и опять уехал в Индию. С тех пор о нем не слыхали. Уже с 1905 года многие картины и очерки были посвящены Индии» [12, очерк «Индия»].

В доме отца художника, петербургского нотариуса Константина Федоровича Рериха, часто бывали востоковеды А. Позднеев и К. Голстунский, историк Н. Костомаров. Вспоминая юные годы, художник отмечал в «Листах дневника» [подробнее см.: 1, 265]: «К сердцу Азии потянуло давно, можно сказать с самых ранних лет. Имена Пржевальского, Потанина уже давно стали несказанными магнитами. Весь эпос монгольский, уже не говоря о сокровищах Индии, всегда привлекал [...] В семье нашей сама судьба складывала особые сношения с Азией. Постоянно появлялись друзья, которые или служили в Азии или вообще изучали ее. Профессора Восточного факультета бывали у нас. Из Сибири приезжали Томские профессора и все толковали об Азийских глубинах и усиленно звали не терять времени и так или иначе приобщиться к Азийским просторам. Каждая памятка из Азии была чем-то особенно душевным от ранних лет и на всю жизнь» [12, очерк «Азия»].

В гимназические годы, под влиянием археолога Л. Ивановского, проводившего раскопки в окрестностях «Извары» (под Гатчиной), Рерих серьезно увлекся археологией. В бытность студентом по реко-

¹ Елена Ивановна — жена Н. К. Рериха, урожденная Шапошникова (1879—1955).

мендации А. Спицина и С. Платонова он был избран членом Русского археологического общества. Кроме славянского отдела Николай Константинович регулярно посещал заседания восточного отдела, возглавляемого индологом В. Р. Розеном. Среди студенческих дневников Рериха мы находим выписки из книги Е. П. Блаватской (Радда-Бай) «Из пещер и дебрей Индостана» [17, 34].

Упомянув основательницу Теософского общества Е. П. Блаватскую, к деятельности которой в Индии Николай Константинович, как и многие прогрессивные люди этой страны, относился с уважением, нужно сразу же заметить, что его интерес к Востоку зародился отнюдь не под воздействием того нездорового увлечения «спиритизмом», которое бытовало среди некоторых кругов русской интеллигенции в конце XIX и начале XX в. Так, находясь в 1900 г. в Париже, Николай Константинович писал Елене Ивановне, тогда еще его невесте, что знакомые завлекли его на сеанс «столоверчения», в которое он не верил и не верит [17, 280]. Много позже Рерих имел переписку с некоторыми руководителями Теософского центра в Адьяре (Мадрас), но ни он, ни члены его семьи никакого участия в теософском движении не принимали. Что же касается «мистических струн души Рериха», то сам художник отзывался о них так: «В разных странах пишут о моем мистицизме. Толкуют вкривь и вкось, а я вообще толком не знаю, о чем это люди так стараются. Много раз мне приходилось говорить, что я вообще опасаясь этого неопределенного слова мистицизм. Уже очень оно напоминает мне английское слово мист, то есть туман. Все туманное и расплывчатое не отвечает моей природе. Хочется определенности и света. Если мистицизм в людском понимании означает искание истины и постоянное познание, то я бы ничего не имел против такого определения. Но мне сдается, что люди в этом случае понимают вовсе не реальное познание, а что-то другое, чего они и сами сказать не умеют. А всякая неопределенность — вредоносна» [12, очерк «Мистицизм»].

Вокруг вопроса об отношении Рериха к так называемому оккультизму было много разговоров, поэтому необходимо с самого начала уделить ему несколько слов. Вопрос этот умышленно раздувался с двух противоборствующих сторон — из лагеря ортодоксальных церковников и со стороны самих апологетов оккультизма. Первые усердствовали, изобличая Рериха в отступничестве от отечественного благочестия, а вторые — в стремлении использовать авторитет художника в своих целях. В действительности Николай Константинович никогда не связывал своего философского мировоззрения или своей деятельности с какими-либо оккультными или религиозными учениями и институтами, хотя ему и приходилось часто иметь с ними дело. В своих философских исканиях Рерих неизменно стремился к первоисточникам, и вначале сближение художника с индийской философской мыслью шло в направлении изучения оригинальных трудов индийских мыслителей. По словам самого Николая Константиновича, к духовной жизни Индии его приобщали Рамакришна, Вивекананда, Упанишады, «Бхагаватгита» и произведения Тагора.

В творчестве самого Рериха индийская тематика появилась с 1905 г., причем в характерном чередовании: сказка «Девассари Абунту» написана Рерихом в 1905 г., картины «Девассари Абунту» и «Девассари Абунту с птицами» — в 1906 г., сказка «Границы царства» — в 1910 г., картины «Граница царства» и «Мудрость Ману» — в 1916 г. Живописную сюиту «Сны Востока», начатую в 1920 г. в Лондоне, предваряли «Индийский путь» (1913), «Гаятри» (1916) и неко-

торые стихотворения, навеянные поэзией Тагора. Похоже, что Рерих-художник при отсутствии визуальной натуры создавал предварительно литературные художественные образы, которые позже воплощались в его живописи.

Индия сразу же вошла в творчество Николая Константиновича темой больших философских обобщений, оказавших заметное влияние на трактовку многих сюжетов художника, в частности религиозных. Как на пример можно указать на роспись «Царица Небесная» в абсиде церкви во Фленове [подробнее см.: 5, 50] (первые эскизы относятся к 1909 г., закончена в 1914 г.). С одной стороны, эта роспись представляет собой замечательный образец возрождения подлинно национальной, древнерусской монументальной иконописи, а с другой — она противоречит ее догматическим нормам. И эта другая сторона — философская трактовка образа богоматери, которая выступает у Рериха не смиренной родительницей божественного младенца, а творящим началом мироздания, своего рода Пракрити индийской философии, отождествляемой часто с женским началом и материальной структурой мироздания. Не случайно духовенство возражало против размещения «Царицы Небесной» в алтаре храма [12, очерк «Памятка»].

Вспоминая работу над этой росписью, художник писал: «Хорошее было время, когда строился храм Святого Духа и заканчивались картины „Человечьи Праотцы“, „Древо Преблагое врагам озлобление“ и эскизы „Царицы Небесной“. Холмы смоленские, белые березы, золотые кувшинки, белые лотосы, подобно чашам жизни Индии, напоминали нам о вечном пастухе Леле и Купаве или, как сказал бы индус, о Кришне и Гопи» [9, 161].

В 1924 г. Рерихом была создана картина «Мать Мира». Ее центральная фигура композиционно повторяет «Царицу Небесную», но, лишенная признаков национальной русской иконописи, она уже полностью символизирует индийские космогонические идеи и ту Радж-Раджесвари, которая воспевается в гимнах [21, 242]:

Если я прав, Мать, Ты все:
Кольцо и путь, тьма и свет, и пустота,
Голод и печаль, и бедность и боль.
От зари до тьмы, от ночи до утра, и жизнь и смерть,
Если смерть бызает.— все есть Ты...

Показательно, что, говоря о своей «Царице Небесной», художник иногда даже называл ее «Матерью Мира». Например, в одной из книг он писал: «В последнее время ее (М. К. Тенишевой.— П. Б.) жизни в Талашкино внутренняя мысль увлекла ее к созданию храма. Мы решили назвать этот храм Храмом Духа. Причем центральное место в нем должно было занять изображение Матери Мира» [9, 223].

Уже ранние литературные произведения Рериха — «Девассари Абувту» и «Лакшми Победительница» — свидетельствуют не только об увлечении индийской мифологией, но и о сильном воздействии восточного философского мировосприятия на мировоззрение художника. Отражение этих позиций в живописи первого творческого периода Рериха мало затрагивалось в нашем искусствоведении, между тем под покровом подлинно национального изобразительного языка искусства Рериха зачастую скрывается индийская философская интерпретация религиозных художественных образов, на что в свое время уже намекали некоторые критики. Так, Сергей Маковский писал: «Останавливаться на иконописи Рериха я не буду. Отдавая должное его археологическим познаниям, декоративному вкусу и „национальному“ чутью,— все это

бесспорно есть и в иконах,— я не нахожу в нем призвания религиозного живописца. Рерих — все, что угодно: фантаст, прозорливец, кудесник, шаман, йог, но не смиренный слуга православия» [8, 129].

Научные интересы и философская направленность художественного творчества Николая Константиновича не могли долго удовлетворяться исключительно книжными сведениями о притягательной для него стране. «Живет в Индии красота. Заманчив великий Индийский путь», — замечает Рерих в своем очерке «Индийский путь» [20, 260]. Очерк был написан под впечатлением встреч художника с востоковедом В. В. Голубевым [подробно см.: 26, 214] в Париже весной 1913 г., после поездки последнего в Индию. Похоже, что Николай Константинович обсуждал с Голубевым планы будущих научно-художественных экспедиций и свое участие в них. «Жаль, если французы с их верным чутьем скорее поймут значение работы Голубева. Желаю нашей академии наук вовремя еще серьезнее обратить внимание на эти работы», — писал художник [20, 260].

К этому же времени относятся и попытки Николая Константиновича организовать в Петербурге музей индийского искусства.

Первая мировая война помешала Рериху реализовать планы посещения Индии. В 1916 г., после перенесенного воспаления легких, здоровье Николая Константиновича сильно пошатнулось, и по предписанию врачей в конце этого года он переселился на жительство в Карелию, где и застала его Октябрьская революция.

Уединенная жизнь на берегу Ладожского озера под Сердоболом (Сортавала) способствовала углубленным философским размышлениям, которые нашли выход в стихотворных произведениях этих лет и в аллегорической повести художника «Пламя» (черновики повести относятся к 1917 г., окончательная редакция опубликованного варианта [18, 32] — к сентябрю 1918 г.).

По дневниковым записям и литературным произведениям Рериха можно заключить, что годы его жизни в Карелии были насыщены мыслями об Индии и подготовка к встрече с нею не прекращалась. Цитаты и ссылки на индийских философов и писателей заметно участились к концу войны, когда у Рериха опять появилась надежда попасть в Индию. К этому времени художника особенно сильно стали манить дальние пути.

Сборник стихотворений Рериха «Цветы Мории» [23] в основном составлен из произведений 1916—1918 гг., написанных в Сортавале. В них особенно бросается в глаза близость к поэзии Рабиндраната Тагора. А. Рылов сетовал на «архаику и трудно усваиваемую мистику» стихов Рериха [28, 149]. Между тем достаточно сопоставить стихотворения Тагора и Рериха, чтобы убедиться в сходстве их философского мировосприятия, которое может служить ключом к разгадке их поэтического самовыражения. Так, у Тагора в «Гитанджали» (1913):

О владыка моей жизни, должен ли я изо дня в день стоять перед лицом твоим?

Сложив руки, о владыка миров, должен ли я стоять перед лицом твоим?

Под твоим великим небом, в молчании уединения, со смиренным сердцем, должен ли я стоять перед лицом твоим?

В твоём трудовом мире, погруженном в борьбу и работу, среди суетливой толпы, должен ли я стоять перед лицом твоим?

И когда мой труд в этом мире кончен, о царь царей, должен ли я стоять одиноко и смиренно перед лицом твоим? [29, 326].

У Рериха в стихотворении «Благословенному» [23, 51]:

Как увидим Твой Лик?
 Всепроникающий Лик,
 глубже чувств и ума.
 Неощутимый, неслышный,
 незримый. Призываю:
 сердце, мудрость и труд.
 Кто узнал то, что не знает
 ни формы, ни звука, ни вкуса,
 не имеет конца и начала?
 В темноте, когда остановится
 все, жажда пустыни и соль
 океана, буду ждать сиянье
 Твое. Перед Ликом Твоим
 не сияет солнце. Не сияет
 луна. Ни звезды, ни пламя,
 ни молнии. Не сияет радуга,
 че играет сияние севера.
 Там сияет Твой Лик.
 Все сияет светом его.
 В темноте сверкают
 крупницы Твоего сиянья,
 и в моих закрытых глазах
 брезжит чудесный Твой свет.

В этом стихотворении Рерих передает чувство, испытываемое человеком перед величием космической беспредельности, именно через призму индийской философской мысли, а поэтическая форма, образы и даже терминология предельно близки к тагоровским. Стихотворение написано в 1918 г. Примерно к этому времени относятся и некоторые вольные переводы Рериха из Тагора.

Цитаты из «Бхагаватгиты» мы находим в литературной аллегории «Пламя», а в неопубликованных фрагментах этой автобиографической повести имеются такие строки: «Делаю земной поклон учителям Индии. Они внесли в хаос нашей жизни истинное творчество и радость духа и типичную рожающую. Во время крайней нужды они подали нам зов. Спокойный, убедительный, мудрый знанием. Культ истинного знания ляжет в основу ближайшей жизни, когда растает в пространстве все зло, рожденное человекоубийством и грабежом последних лет» [2, 259].

Это писалось в конце 1917 г. и поясняет поведение художника в следующие шесть лет зарубежной жизни. Все его действия, подтвержденные архивными документами, неоспоримо свидетельствуют о том, что для Рериха главной целью этих лет неизменно оставалась Индия, прямой путь куда через территорию Советской России оказался на многие годы закрытым.

Николай Константинович выехал с семьей из Финляндии в марте 1919 г. Его персональные выставки с большим успехом прошли в некоторых городах Европы, где у него было достаточно возможностей хорошо обосноваться. Рериха знали за границей еще по его довоенным поездкам, выставкам и совместной с С. П. Дягилевым работе в театре. Поэтому первые же известия о появлении Николая Константиновича в Западной Европе вызвали интерес в различных художественных кругах, в том числе и среди эмигрировавших из России художников. Любопытное письмо, датированное 19 июля 1920 г., послал Рериху из Парижа в Лондон С. Судейкин: «Здравствуйте, дорогой друг Николай Константинович! Здесь мы живем дружно, и есть проекты воскресить выставку „Мир искусства“. Григорьев в Берлине, здесь: Яковлев, Сорин, Реми, Гончарова, Ларионов, Стеллецкий — в Каннах. Только не хватает нашего председателя, который предпочитает холодного Альбиона Парижу, городу вечной живописи. С каким восторгом говорил

недавно о Вас Ф. Журден, председатель Осеннего Салона, вспоминая „Половецкие пляски“ и „Священную Весну“. Я думаю, Николай Константинович, что если Вы тронули глаза и сердца рыбopodobных „бритов“, то здесь Ваше имя имело бы еще более горячих поклонников и друзей. Приходите и правьте нами. Судейкин» [12, очерк «Старые письма»].

В Лондоне Рерих обрел много сторонников, среди них известного писателя Герберта Уэллса, деятелей искусства и культуры Т. Бичама, Х. Райта, Ф. Бренгвина, С. Хора. Доктор Янг предлагал Николаю Константиновичу остаться в Лондоне на постоянную работу [9, 25]. Художник имел предложения переехать в Германию. Однако все это не устраивало Рериха. Зато на него произвела большое впечатление личная встреча с Рабиндранатом Тагором: «Мечталось увидеть Тагора, и вот поэт самолично в моей мастерской на Квинсгэттерасс в Лондоне в 1920 году. Тагор услышал о русских картинах и захотел встретиться. А в это самое время писалась индусская серия панно „Сны Востока“. Помню удивление поэта при таком совпадении. Помню, как прекрасно вошел он, и духовный облик его заставил затрепетать наши сердца» [22, 231].

Уже в 1920 г., т. е. за три года до приезда Рериха в Индию, в журнале «Модерн Ревью» (Калькутта) были опубликованы стихи художника, а в декабре 1921 г. там же появилась статья Дж. Финджера «Николай Рерих». В январском номере 1921 г. журнала «Артс» (Нью-Йорк) поместили статью Р. Тагора о русском художнике. Это была одна из первых публикаций о Рерихе в США [31].

В дальнейшем между Рерихом и Тагором постоянно поддерживались письменные контакты, они ставили друг друга в известность о своей деятельности и объединяли усилия на культурно-просветительном поприще и в борьбе за мир.

В 1920 г. в Лондоне Николай Константинович познакомился с Владимиром Анатолиевичем Шibaевым, впоследствии переехавшим в Ригу, а в 30-х годах в Индию, где он в течение десяти лет состоял секретарем Рериха. Шibaев переписывался с Анни Безант, руководительницей теософского движения в Индии, и такая связь с Индией, видимо, заинтересовала и Рериха. В 1920—1925 гг. между Рерихом и Шibaевым велась интенсивная переписка, сохранившая ценнейшие сведения об этом мало освещенном у нас периоде жизни Николая Константиновича.

Выезжая из Финляндии в Англию, Рерих не имел намерения посетить Америку. Поскольку он не пытался обосноваться и в Европе, следует предположить, что художник надеялся непосредственно из Англии попасть в Индию. Однако восторженное отношение англичан к искусству русского художника не распространялось на его планы заняться изучением «жемчужины английской короны». Интерес Рериха к Индии вызвал встречный интерес к нему тех должностных лиц империи, которые отвечали за ее колонии и с великой подозрительностью относились ко всему русскому, а слово «советский» признавали лишь в сочетании с негативными высказываниями. Но последних из уст Рериха никто не слышал, что и насторожило английскую разведку. Трагические последствия ее опеки Рерих испытал на себе позже, но уже в 1920 г. он натолкнулся на барьер, воздвигнутый англичанами между ним и желанной для него Индией. Попытки выехать туда из Лондона провалились, а они заходили весьма далеко. В 1940 г. в своих воспоминаниях Николай Константинович писал: «Еще одно двадцатилетие — первому пароходному билету на Индию. В музее Тривандрума откры-

вают особую нашу комнату. Они не знают, что это совпадает с памятным для нас сроком» [12, очерк «Со-роковой год»].

Пароходный билет остался неиспользованным, а само намерение Рериха попасть еще в 1920 г. из Англии прямо в Индию — малоизвестным для его биографов. Очень возможно, что Николай Константинович предпочитал не предавать этот эпизод широкой гласности, чтобы не осложнять отношений с английскими властями.

Приняв в конце 1920 г. предложение устроить выставку картин в США, Рерих не отодвинул на задний план сборы в Индию. Похоже, что какое-то время Николай Константинович возлагал большие надежды пробиться в Индию с помощью теософской организации. Художник действовал через В. Шибалева. Так, в письме от 25 сентября 1921 г. (из Америки) Рерих сообщал ему, что через год он сможет воспользоваться приглашением Вадья² посетить Адьяр [16]. Больше того, Николай Константинович просил узнать об условиях жизни в Адьяре для приезжих и выразил намерение заняться там созданием фресок.

Однако через некоторое время в письмах Рериха начинает проскальзывать разочарование деятельностью Теософского общества, ему претят интриги между его руководителями и безграмотность «оккультной» литературы. В 1922 г. Рериха приглашает в Адьяр один из оппозиционно настроенных руководителей движения, впоследствии порвавший с теософами, индийский философ и писатель Д. Кришнамурти [16, письмо от 30 апреля 1922 г.]. Но Николай Константинович уже решил не связывать свою деятельность с теософами, и этот канал сношений с Индией постепенно сходит на нет.

Между тем подготовка к переезду в Азию не ослабевает, она ведется планомерно и в разных направлениях. Весьма характерно письмо Николая Константиновича от 7 августа 1922 г.: «Если Вы потерпели разочарование в Каменской³, то я потерпел то же в Безант. Это печально, но это так. Но, конечно, наша работа на Россию и потому мы уже знаем, что „новые, новые, новые соберутся“. И потому каждый новый наполняет сердце радостью. Сейчас к нам подошли трое новых. Молодые ищущие души! Приятно, что всегда, когда нужно, кто-то приходит. Так и теперь, в этих новых мы видим наследников в Америке. Ведь здесь нам осталось 11 месяцев» [16].

Среди документов этих лет сохранилась запись Рериха о восточковедческой работе в Российской академии наук в 1917—1920 гг. В списке перечислены издания серий «Bibliotheca Buddhica» и «Памятники индийской философии», упомянуты сочинения П. Козлова и Г. Цыбикова, перечислены лекции С. Ольденбурга, Ф. Шербатского, Ф. Розенберга, Б. Владимирцова, читанные ими на буддийской выставке в августе 1919 г. в Петрограде [10]. Николай Константинович внимательно следил за всем, что делалось в области востоковедения у него на родине.

Особенно следует указать на основательную и разностороннюю восточковедческую подготовку старшего сына Рериха — Юрия Николаевича. Она началась еще с гимназических лет в Петербурге у Б. Тураева и А. Руднева. С приездом Рерихов в Лондон Юрий Николаевич сразу же поступил на индо-иранское отделение Школы восточных языков при Лондонском университете, где начал изучать санскрит, затем продолжил свои занятия по восточным языкам в Гарвардском университете в США и Школе восточных языков в Париже. В 1923 г. Парижский уни-

² А. Вадья — один из руководителей теософского центра в Адьяре.

³ А. А. Каменская — одна из руководительниц русского теософского центра в Женеве.

верситет присвоил Юрию Николаевичу степень магистра индийской филологии [подробнее см.: 7, 213].

Серьезная востоковедческая подготовка старшего сына, начатая немедленно после отъезда из Финляндии, занимала большое место в планах Николая Константиновича по организации азиатских научно-художественных экспедиций, и, возможно, она на какое-то время задержала отъезд Рерихов в Индию.

Душевные переживания художника в ожидании предстоящего путешествия нашли отражение в стихотворении «Ловцу, входящему в лес», которое было написано в апреле 1921 г., через какие-нибудь полгода после приезда в Америку. Как бы прозревая будущее, Рерих писал [23, 116]:

И ты и добыча будут на высотах.
И ни ты, ни добыча
не пожелаете спуститься
в лощину...

В мае 1923 г. Николай Константинович выехал из Нью-Йорка в Европу и 17 ноября этого же года отплыл с семьей из Марселя на пароходе «Македония» в Индию. 24 ноября из Адена художник пишет с борта корабля письмо Шибаеву. В письме сквозят тревожные ноты. Николай Константинович просит Шибаева, через которого поддерживалась переписка с СССР, быть сугубо осторожным и не употреблять в письмах в Индию слова «Россия», заменяя его буквой «А». Важнейшие же события Николай Константинович рекомендует излагать под видом готовящегося к публикации рассказа [16].

Развитая Рерихом в США широкая международная культурная деятельность не спасла его от подозрений со стороны английских властей, и они решили учредить за ним слежку, признаки которой Николай Константинович обнаружил уже на корабле. Поводом для подозрений были патриотизм Рериха, его просоветские высказывания и переписка с Советским Союзом.

30 ноября 1923 г. Рерихи высадились в Бомбее. Отсюда они предприняли осмотр известных художественных и исторических достопримечательностей. Начали с памятников скульптуры эпохи Гупта на острове Элефанта, затем посетили Джайпур, Дели, Агру, Сарнатх с его древнейшими буддийскими памятниками, Бенарес, Калькутту, а оттуда направились в Дарджилинг. В конце декабря Рерихи поселились в Сиккиме, на южном склоне восточных Гималаев. Спешка, с которой Николай Константинович проложил свои первые маршруты по Индии, показывала, что его интересы сосредоточивались не в ее долинах и крупных населенных центрах, а в северных, пограничных с Тибетом, горных районах. Об этом говорят и путевые заметки художника: «Сарнат и Гайя — места личных подвигов Будды — лежат в развалинах. Являются лишь местом паломничества [...]». Известны места подвигов Будды на Ганге. Известны места рождения и смерти учителя в Непале. По некоторым указаниям посвящение совершилось еще севернее — за Гималаями [...]. Легендарная гора Меру по Махабхарате и такая же легендарная высота Шамбала в буддийских учениях — обе лежали на север» [18, 98].

Приезд Рерихов в Сикким совпал с необычным волнением в буддийском мире. Таши лама, оппозиционно настроенный к Лхассе, открыто порвал с нею, покинул Тибет и скрылся в Китай. Ходили слухи, что сам лама или его посланники побывали в Сиккиме, поэтому на его дорогах наблюдалось усиленное движение. Николай Константинович

встречался с некоторыми сторонниками Таши ламы, а позже обменивался с ним письмами. Это указывает на отрицательное отношение Рериха к официальной буддийской верхушке в Лхассе, возглавляемой Далай ламой, что полностью подтверждается и статьей художника «Буддизм в Тибете» [36].

Таким образом, Николай Константинович, сразу же по прибытии в Азию, оказался в курсе интересовавших его событий буддийского мира. И это, конечно, не случайно, как не случаен и выбор стремительно пройденного маршрута от Бомбея через Калькутту в Сикким, причем без заезда в Адьяр, куда художника приглашали.

Мы не можем подробно останавливаться на вопросе влияния буддизма на философское мировоззрение Рериха. Это — большая и сложная тема специального исследования. Нет особой надобности останавливаться и на вопросе о «переходе Рериха из христианства в буддизм». Для него самого такого вопроса не существовало. Широкая философская мысль Рериха была абсолютно свободна от догм и канонов каких бы то ни было религиозных институтов. Но буддизм кроме своей философии привлекал внимание художника еще и как весьма активно в его время функционировавший канал связи между странами Центральной Азии и Советской Сибирью.

Интерпретируя по-своему некоторые положения буддизма (детерминизм, диалектику, пространственно-временную относительность, учение об общине), Рерих искал в них точки соприкосновения с современной наукой и с современным революционным преобразованием общественной жизни. В очерке «Струны земли» имеется запись: «Буддизм есть самая научная религия», — говорит индусский биолог Боше. Радостно видеть, как этот истинный ученый, нашедший путь к тайнам жизни растений, говорит о Веданте, Махабхарате, о поэзии легенд Гималаев. Только настоящее знание может найти всему сущему достойное место. И под голос ученого, простой и понятный, серебристые звоны электрических аппаратов отбивают пульс жизни растений, открывая давно запечатанную страницу познания мира» [18, 98].

Однако главное, что привлекало внимание Николая Константиновича к буддизму, это — его отрицательное отношение к кастовым и классовым привилегиям, порицание частнособственнической психологии и учение об общественных принципах жизнеустройства. Гуманизм, обостренное чувство справедливости не могли примирить Рериха с буржуазной идеологией, между тем привитые с детских лет корни идеалистического мировосприятия мешали ему безоговорочно стать на материалистические философские позиции. Приняв Октябрьскую революцию как неизбежный этап закономерного развития человеческого общества, как крушение старого и рождение нового мира, Рерих подходил к пониманию последнего своим, кружным путем. Однако, по его глубокому убеждению, именно этим путем шли и должны были достигнуть Нового Мира народы Азии. Их освобождение от империалистического ига художник дальновидно связывал с революционными событиями на своей родине, но их духовное сближение с народами Советского Союза он хотел видеть во взаимопроникновении идей коммунизма и древнего общинного учения Будды.

Разумеется, Индия влекла к себе Рериха не только как колыбель буддизма. Многосторонние научные и художественные интересы Николая Константиновича, тесно переплетаясь с философскими исканиями, играли в этом влечении не меньшую роль. Заветной мечтой многих русских востоковедов и путешественников, в их числе Пржевальского и Козлова, было наиболее глубокое проникновение в Центральную Азию

и даже пересечение ее. Некоторые районы Тибета и Трансгималаев долгое время оставались «терра инкогнита» для западной науки. Занятия археологией и историей национальных культур смолоду привили Рериху охоту к путешествиям, а миграция народов Азии на запад и влияние их культур на славянские племена были давним предметом исследований Николая Константиновича. И это сказывалось на тяготеции художника именно к Северной Индии, в частности к Сиккиму, откуда через горный перевал Джелап-Ла пролегали древнейшие пути на Шигацзе, Лхассу и далее через Монголию в Сибирь.

Из Дарджилинга Николай Константинович организовал две научные экспедиции по Сиккиму и Бутану. В его книге «Алтай—Гималаи» [35] Сиккиму посвящена специальная глава, а отдельные выдержки из путевых заметок («Мысли в Сиккиме») вошли в книгу «Пути благословения» [18]. Анализ некоторых находок экспедиций был сделан также Ю. Н. Рерихом в книге «Тибетская живопись».

В первых азиатских экспедициях Рерих проявил особый интерес к сбору древнейших буддийских письменных источников и предметов искусства. В то же время, судя по отдельным заметкам («Мысли в Сиккиме»), Николай Константинович тщательно изучал также современное политическое положение в странах, находившихся между Индией и Советским Союзом, и ту несомненно большую роль, которую играло буддийское духовенство в политической и общественной жизни их народов.

Пробыв в Индии около десяти месяцев, из которых девять пришлось на Сикким, Николай Константинович внезапно выехал в Европу и США. Такая поездка на первый взгляд кажется трудно объяснимой. Мысль об Индии и стремиться туда в течение многих лет с тем, чтобы после посещения нескольких ее городов и кратковременного пребывания в отдаленном, малохарактерном для страны районе так скоро покинуть ее пределы! Может быть, этого требовали спешные дела на Западе или обстоятельства, связанные с продолжением научно-исследовательской работы в самой Индии? Нет, нисколько. Просто пребывание в Индии не исчерпывало далеко идущих планов Рериха, хотя эта страна и входила в них непременно компонентом.

Проблема культурных связей между народами Востока и Россией, захватившая Николая Константиновича еще в самом начале его научной и художественной деятельности, расширяясь с годами, в конце концов вышла за рамки чисто исторических интересов. Настоящее и будущее культурного сотрудничества народов стало для Рериха существеннее прошлого, а это усложняло всю проблему, поставив художника перед необходимостью приравливать каждое свое действие к современной ему политической обстановке.

Правда, свое отношение к ней Рерих не замедлил высказать сразу же, как только оказался за рубежом. Он решительно отказался оформить для себя и своей семьи так называемые нансеновские паспорта — единственный в то время официальный «вид на жительство» русских эмигрантов — и не пожелал также ассимилироваться в какой-либо чужой стране. Следовательно, Рерих не переставал считать себя подданным той реально существующей России, которая из царской превратилась в Советскую. Казалось бы, в таком случае проще всего было оформить свою принадлежность к ней советским паспортом. Но именно это лишило бы Николая Константиновича возможности находиться в Индии. А чтобы следовать своим убеждениям, выполнять свой научный долг, как его понимал Рерих, ему были одинаково нужны и Россия и Индия.

Чтобы лучше понять Николая Константиновича, можно обратиться к другому гуманисту нашего века, испытавшему на себе так же, как и Рерих, сильнейшее влияние индийского мировосприятия. Мы имеем в виду Ромена Роллана, писавшего: «Я ни на миг не покидал и ни в чем не отодвигал на второй план дело Русской революции и то титаническое строительство нового мира, которое она осуществляла в борьбе. Я ставил перед собой парадоксальную задачу: объединить огонь и воду, примирить мысль Индии и мысль Москвы [...]. Я рассматриваю самые мощные социальные и религиозные доктрины не как догмы, а как жизнеспособные гипотезы, указывающие путь человечеству,— вот почему доктрина СССР и доктрина гандистской Индии представлялись мне (а Ганди это и сам признает относительно своей доктрины) двумя опытами, двумя самыми спасительными опытами, единственно спасительными, могущими предотвратить катастрофу, нависшую сейчас над человечеством» [27, 47].

Историческое чутье безошибочно указывало Рериху, где началось строительство нового мира и где гнетущий большинство человечества колониализм потерпит первое серьезное поражение. Кровная принадлежность к России, более сильное, чем у Ромена Роллана, увлечение Востоком и, несомненно, более активная натура толкали Рериха на практические дела по слиянию двух главнейших исторических течений нашей эпохи — революционных преобразований в России и освободительной борьбы народов Азии. Сфера деятельности Николая Константиновича была ограничена областями науки, искусства и культурного строительства, но он отлично понимал несостоятельность беспечной игры в жмурки на политической арене мира. Все действия и высказывания Рериха отличались железной последовательностью, которая не позволяла сомневаться в том, на чьей именно стороне его политические симпатии.

Выехав в сентябре 1924 г. из Индии, Николай Константинович посетил Францию и США. На обратном пути он заехал в Берлин, Каир и Коломбо (Цейлон). По дороге с Цейлона в Сикким Рерих побывал в Мадрасе, где впервые встретился с руководителями теософского движения, однако никаких попыток сближения с ними не последовало. Показав свою незаинтересованность в «работе на Россию», теософы автоматически выпали из планов Рериха. А конкретно эти планы заключались в следующем: организовать из Индии научно-художественную экспедицию в Центральную Азию, дойти до границ Советского Союза, побывать на родине, наладить в Москве связи для будущего сотрудничества и только после этого вернуться в Индию, чтобы по-настоящему приступить к той исследовательской работе, ради которой он так упорно стремился в эту страну. Индия, полностью изолированная от «Нового Мира», т. е. от Советского Союза, никак Рериха не устраивала. Это была для него Индия прошлого. Индию будущего художник видел идущей рука об руку с его свободной родиной к светлой мечте человечества.

Большой авторитет художника и ученого и энергия его американских сотрудников позволили Николаю Константиновичу добиться в Нью-Йорке согласия провести экспедицию под американским флагом и оформить нужные для этого документы. Конечно, никаких указаний о возможном посещении СССР в них не было и не могло быть. Здесь Рериху пришлось действовать в одиночку и негласно, чтобы не увеличивать подозрений англичан. С этой целью Николай Константинович и заехал в декабре 1924 г. в Берлин, чтобы посетить там советское полпредство. Полпред Н. Н. Крестинский был достаточно хорошо инфор-

мирован о заграничной деятельности и отношении Рериха к Советскому Союзу, чтобы со всей серьезностью отнестись к беседе с художником.

Николай Константинович сообщил Крестинскому, что он собирается провести в странах Центральной Азии научно-художественную экспедицию. Хотя она и пойдет под американским флагом, но он готов предоставить в распоряжение Советского Союза все собранные материалы и просит, чтобы советские дипломатические представители в Центральной Азии в случае надобности взяли экспедицию под свою защиту.

Одновременно Рерих ознакомил Крестинского со своими наблюдениями над политической обстановкой в Индии, рассказал о проникновении англичан в Тибет и их агитации против СССР. Николай Константинович не стал скрывать от советского посла своих философских взглядов и намерений способствовать сближению народов Востока и Советского Союза на почве общности, которую он находил между идеологией научного коммунизма и буддийской философией. Это дало повод наркому иностранных дел СССР Г. В. Чичерину, которому по просьбе Рериха были пересланы стенограммы его бесед с Крестинским, охарактеризовать художника как «полукоммуниста-полубуддиста» [6, 96].

Философское мировоззрение Рериха, конечно, не ограничивалось рамками буддийских философских школ или их современной интерпретацией. Скорее всего, интерес к буддизму нашел более благоприятную почву, чем иные философские системы Индии, благодаря постоянным стремлениям художника согласовать этику Востока с революционными преобразованиями человеческого общества своей эпохи. Отрицание кастовых привилегий и некоторые этические постулаты буддизма представляли Рериху в этом отношении богатейший материал.

К марту 1925 г. Николай Константинович переехал из Дарджилинга в столицу Кашмира Сринагар, чтобы подготовить экспедицию к походу через Западный Тибет и Синьцзян в пограничные с СССР районы. Мы не будем останавливаться как на этой, так и на последующих центральноазиатских экспедициях художника [о них подробно см.: 4, 253; 19; 25, 257; 33; 34; 35; 36] и лишь приоткроем одну малоизвестную страницу жизни художника, связанную с его деятельностью в Британской Индии.

Визит Рериха в советское полпредство в Берлине, очевидно, был замечен английской разведкой. Не имея формальных поводов запретить экспедицию, шедшую к тому же под американским флагом, англичане мобилизовали все силы, чтобы сорвать ее косвенными путями. Препятствия возникли уже на первых этапах в Кашмире, где на экспедицию было совершено вооруженное нападение, причем среди нападавших опознали личного шофера английского резидента Дж. Вуда. 1 апреля 1925 г. Николай Константинович писал В. Шибаеву: «Привет с озер Кашмира. Холодно. Лежит снег. Вчера нашу лодку чуть не разбило бурей, но вдруг наступила тишина», и мы успели до нового шквала укрыться в речку. Перед нами лежит дорога на Гилгит [...] Боремся за разрешение идти в Ладак. Масса препятствий. Сражаемся» [16].

Через две недели в письме опять заметка: «Пробиваемся на Лех, но пока без результатов». Когда же экспедиции удалось выйти за пределы официальной сферы влияния английских колониальных властей, Рерих записал в путевом дневнике: «Наконец можно оставить всю кашмирскую ложь и грязь [...]. Можно забыть, как победители играют в поло и гольф, когда народ гибнет в заразах и в полном отупении.

Можно отвернуться от подкупных чиновников Кашмира. Можно забыть о нападении вооруженных провокаторов на наш караван с целью задержать нас. Пришлось шесть часов пробыть с поднятым револьвером. А в довершение всего полиция составила от нашего имени телеграмму, что мы ошиблись и нападения не было. Кто же тогда ранил семь наших слуг? [...] Можно отвернуться от правительства, вскрытых писем, задержанных посылок, подосланных сыщиков. Что сделали с Индией и Кашмиром? Только в горах чувствуете себя в безопасности» [6, 100].

Но тут Рерих ошибся. Его желание отвернуться и забыть колонизаторов оказалось односторонним. Преследования не прекращались и за пределами Кашмира. По наущению англичан китайские власти Хотана задержали экспедицию, отобрали оружие, а затем арестовали ее участников. Только благодаря вмешательству советского консула в Кашгаре, с которым Рериху удалось снестись, караван смог через три месяца продолжить свой путь. Когда же Рерихи, после посещения в 1926 г. Москвы, Советского Алтая и Бурятской АССР, возвращались через Тибетское нагорье в Индию, их экспедиция встретила еще более серьезный, хорошо организованный заслон. В двух переходах от Нагчу ее задержали подчиненные Лхассе воинские соединения. Не подготовленный к зимней стоянке караван вынужден был провести пять месяцев в условиях суровой тибетской зимы. По существу, это была верная ставка на его гибель. Все сообщения Рериха о бедственном положении экспедиции застревали в каких-то таинственных инстанциях, и западная пресса уже пестрела сенсационными известиями о том, что экспедиция Рериха пропала без вести. Лишь в марте 1928 г. Николаю Константиновичу удалось повести караван дальше, но круглым путем. Последствия вынужденной зимней стоянки были трагическими. Пять человек из состава экспедиции умерли. Что же касается вьючных животных, то из ста двух осталось десять, а из этих десяти лишь два оказались способны продолжать путь.

Впоследствии подтвердилось, что караван был задержан правительством Лхассы по прямому требованию англичан, пытавшихся не допустить Николая Константиновича обратно в Индию. Попытка эта не удалась, и 28 мая 1928 г. экспедиция Рериха достигла Дарджилинга, откуда она больше трех лет назад начала свой небывалый в истории научных исследований Центральной Азии путь. Лишь после его завершения Николай Константинович приступил к налаживанию систематической, рассчитанной на многие годы научно-исследовательской работы. В этих целях 29 июля 1928 г. был создан специальный Гималайский институт «Урусвати» («Свет утренней звезды»).

Однако обосноваться в Сиккиме Рерих не захотел и перенес деятельность института в Кулу. Как и весь Северный Панджаб с западной частью Гималайского хребта, долина Кулу отвечала археологическим, историческим, филологическим и другим научным интересам Рериха. Вдоль реки Беас, протекавшей по долине, проходил древний, все еще функционирующий путь из Индии в Тибет, на Кайлас, Ладак, Хотан, а оттуда через Гоби до самого Алтая. Этот путь притягивал к себе Рериха и был использован им при дальнейших, меньших по масштабам экспедициях.

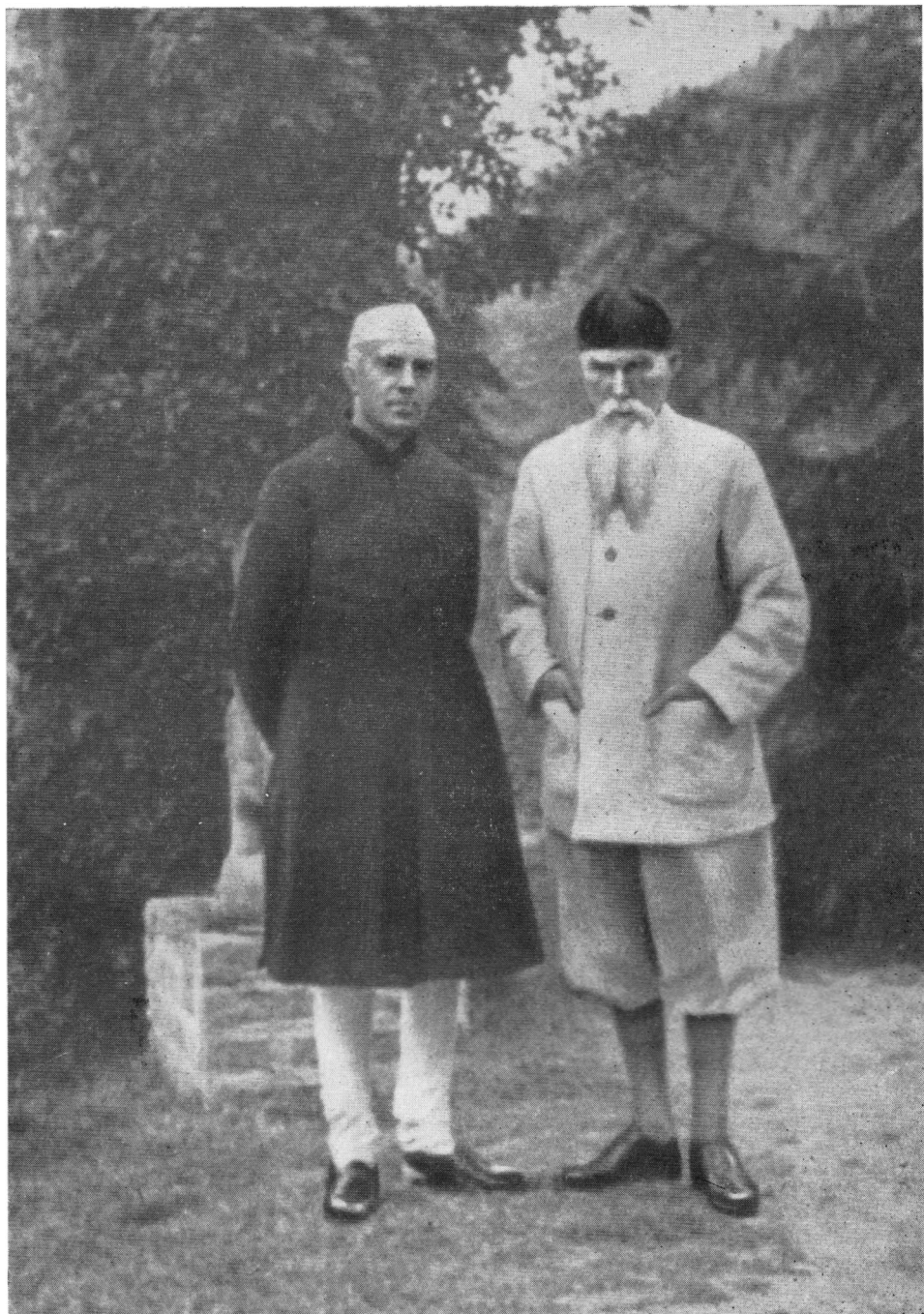
Рерихи переехали в Кулу в конце декабря 1928 г. и поселились на Гималайских склонах в окрестностях местечка Нагар. Через несколько месяцев Николай Константинович и Юрий Николаевич поехали в Европу и США, чтобы наладить контакты с европейскими и американскими научными учреждениями. И здесь Рерих натолкнулся

на очередную попытку англичан исключить Индию из сферы его деятельности. Когда весной 1930 г. Николай Константинович и Юрий Николаевич зашли к британскому консулу в Нью-Йорке, чтобы возобновить свои визы на въезд в Индию, им было заявлено, что визы возобновит министерство иностранных дел Великобритании. Однако в Лондоне — без каких-либо объяснений причин — в визах было категорически отказано. Энергичные хлопоты, в которых участвовали такие влиятельные лица, как герцог Соммерсет, кардинал Брун, архиепископ Кентерберийский, писатели Г. Боттомлей и Дж. Голсуорси, а также некоторые дипломаты аккредитованных в Англии государств, остались тщетными. В «Листах дневника» Рерих писал по этому поводу: «Дело о визе нашей так разрослось, что его возили по коридорам министерства в тачке. Наконец, я спросил определенно, когда будет выдана виза? Нам ответили, что она выдана не будет (опять-таки без всяких объяснений). Я спросил, — это окончательно? И господин в желтом жилете ответил — окончательно! Тогда я сказал: „По счастью, в этом мире нет ничего окончательного“. Наш друг французский посол Флорио, разразившийся целой нотой по поводу наших виз и имевший об этом целые длительные словопрения с британским правительством, посоветовал нам возвратиться в Париж [...]. В Париже продолжалась эта война на ставку крепости нервов. Некоторые эпизоды ее, несмотря на трагизм, были даже забавны. Так, когда шведский посол граф Эренсверд сделал свое представление по нашему делу, ему было сказано, чтобы он не беспокоился, так как и посильнее державы не имели успеха» [12, очерк «Пропуск»].

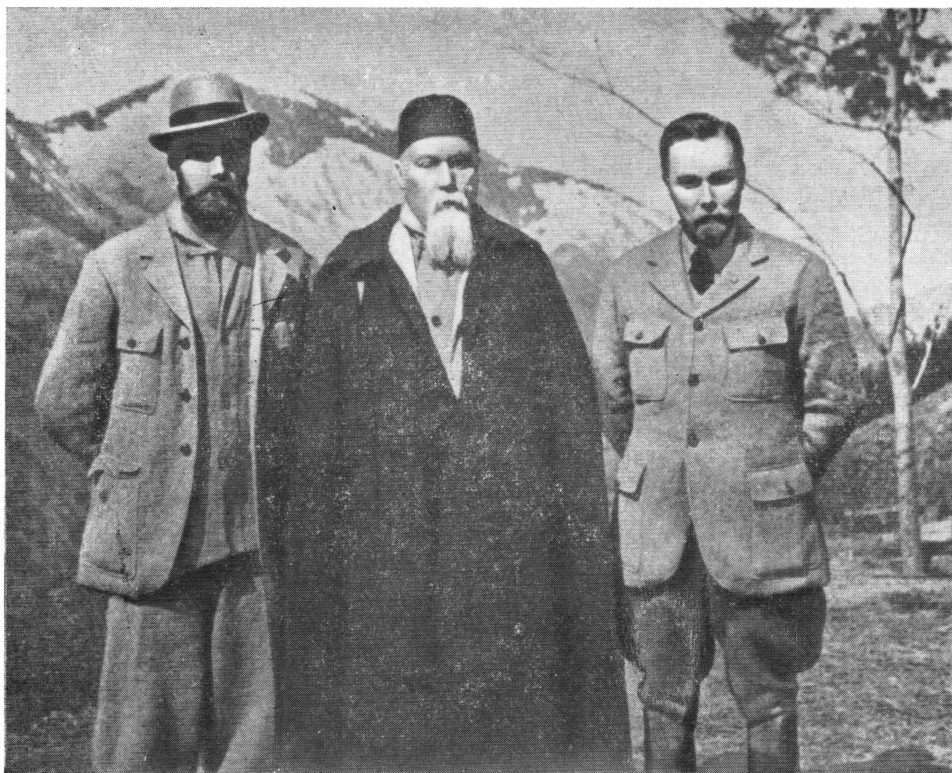
В Париже дело с визой вперед не продвинулось, и Николай Константинович с Юрием Николаевичем, запасясь визами в Пондишери (французское владение в Индии) и другие европейские владения в Азии, выехали туда без разрешения английских властей на въезд в Британскую Индию, где жила Елена Ивановна и была начата работа в институте «Урусвати». После месячного пребывания в Пондишери, где Николай Константинович уже успел начать археологические раскопки, ему и Юрию Николаевичу наконец были выданы визы от имени вице-короля Британской Индии. Похоже, что Рерих, проживающий в непосредственном соседстве с Индией, оказался для колониальных властей более неудобным, чем Рерих, взятый под их строгий надзор.

Надзор за ним и вмешательство в его деятельность со стороны англичан не прекращались до конца их владычества в Индии. В 1943 г., когда Англия в союзе с СССР воевала против гитлеровской Германии, отношение британских властей ко всему русскому в Индии не изменилось. В дневниках Рериха мы читаем: «Американский майор повез от Далай-ламы подарки Рузвельту. Американцы в Лхассе. Индусы в Лхассе. Итальянцам можно быть в Тибете. Всем можно, только русским нельзя. Не так давно Юрий спрашивал в Дели о поездке в Тибет, и опять длинный нос. И не Тибетское правительство против. Мы имели достаточно уверений от тибетцев и китайцев. Весь затор — в британцах. Почему? даже причины не скажут. И теперь, когда за Москвою так ухаживают, русские ученые допускаются в Индию лишь в неотступном „сопровождении“. Представитель агентства ТАСС не может переменить квартиры, ибо рядом должен жить надзиратель» [12, очерк «Почему?»].

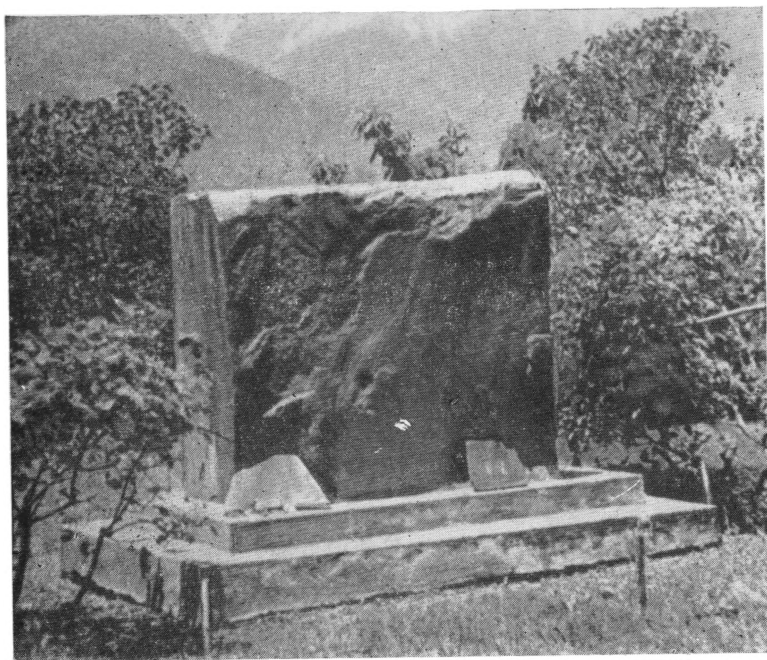
По возвращении в Кулу в 1930 г. Николай Константинович немедленно принялся за проведение в жизнь планов научно-исследовательской работы института «Урусвати». Вскоре он уже мог записать: «К сроку трехлетия института вышел первый „Ежегодник“ за тридца-

Дж. Неру и Н. К. Рерих

Н. К. Рерих с сыновьями Юрием и Святославом. Кулу, 1933 г.

Памятник-камень на месте сожжения тела Н. К. Рериха в Кулу

тый год, в котором участвуют Президент Археологического института в Америке доктор Маггофин, известный французский археолог граф де Бюиссон, биохимик Харвардского университета В. Перцов и директор Института. Номер „Ежегодника“ посвящен выдающемуся санскритологу проф. Ланману, состоящему почетным советником нашего Музея по отделу науки. Нельзя не отметить, что за последнее трехлетие состав почетных советников по отделу Науки усилился крупнейшими научными именами, как то: проф. Милликан, проф. Раман, проф. Метальников, док. Свен-Гедин, проф. Эйнштейн, сэр Джагадис Боше, док. Меррил. По отделу Археологии, кроме док. Маггофина, принимает участие док. Хьюввигт. Члены-корреспонденты Института находятся как в Америке, так в Европе и Азии, при этом многие университеты и научные учреждения выразили желание кооперировать как собраниями, так и печатными трудами» [21, 301].

Деятельность института «Урусвати» опиралась на самые широкие интернациональные связи. Николай Константинович привлек к сотрудничеству и обмену научной информацией десятки научных учреждений Азии, Европы, Америки. Директором института «Урусвати» состоял старший сын художника — Юрий Николаевич. Он же ведал этнолингвистическими исследованиями и археологической разведкой. В области лингвистики и филологии народов Азии велась большая работа — собирались и переводились на европейские языки редчайшие письменные источники, изучались древние полузабытые диалекты.

Младший сын Николая Константиновича — Святослав Николаевич занимался изучением искусства и руководил ботаническим отделом института, проводя одновременно исследования в области тибетской фармакопей.

Обмен ботаническими и зоологическими коллекциями производился с Мичиганским университетом, Панджабским университетом, Парижским музеем естественной истории, Гарвардским университетом, Всесоюзным институтом растениеводства АН СССР. За информацией и образцами для пополнения своей уникальной коллекции обращался в «Урусвати» и наш крупнейший ботаник-растениевод акад. Н. И. Вавилов. При институте была открыта биохимическая лаборатория с отделом борьбы против рака, велось изучение космических лучей в высокогорных условиях, ежегодно проводились экспедиции как в самой долине Кулу, так и далеко за ее пределами — в Лахуле, Бешаре, Кангре, Лахоре, Ладаке, Занкаре, Спити, Рупшу и в северо-восточных районах Китая (Внутренняя Монголия). Экспедиционные отряды систематически снабжали институт новыми материалами.

Интенсивная и плодотворная деятельность института привлекла к Индии внимание многих западных ученых и продолжалась вплоть до второй мировой войны. Вспыхнувшая война прервала международные сношения, определявшие саму структуру научной работы института, и она почти прекратилась. В июле 1940 г. Николай Константинович заносил в дневник: «Сперва мы оказались отрезанными от Вены, затем от Праги. Отсеклась Варшава [...]. Постепенно стали трудными сношения с Прибалтикой. Швеция, Дания, Норвегия исчезли из переписки. Замолк Брюгге. Замолчали Белград, Загреб, Италия. Прикончился Париж. Америка оказалась за тридевять земель, и письма, если вообще доходили, то плавали через окружные моря и долго гостили в цензуре [...]. Дальний Восток примолк. Из Швейцарии Шауб-Кохи еще двадцатого мая просил срочно прислать материалы для его книги. Но и Швейцария уже оказалась заколдованной страной. Все нельзя. И на Родину

невозможно писать, а оттуда запрашивали о травах. Кто знает, какие письма пропали... Наконец обнаружилось, что и в самой Индии началась цензура. Оказалось, что в Кулу цензором не кто иной, как местный полицейский. Вполне ли грамотен? Проявил он свой досмотр тем, что по небрежности вложил свою записку в письмо ко мне [...]. Грустно видеть, как события обрубают все ветви работы. И не вырасти новым побегам. Будет что-то новое, но когда?» [12, очерк «На острове»].

Напряженная научно-исследовательская деятельность не сказывалась отрицательно на интенсивности творчества Рериха-художника. Если индийская тема стала появляться в живописи Николая Константиновича с 1905 г., то, конечно, жизнь в Индии с начала 20-х годов не только внесла изменения в саму индийскую тематику, но и повлияла на искусство Рериха в целом. Величавая природа Азии, особенно горный мир Гималаев, открыли художнику натуру, может быть, больше всего отвечавшую его внутренней потребности заговорить о самом для себя главном в полную меру своего таланта. Некоторые критики пытались утверждать, что таким главным были мистические настроения художника, обретшие в Индии сверхблагодатную почву. Но подобные выводы строились на поверхностном знании живописных произведений Николая Константиновича после 1923 г. и полнейшем игнорировании традиционных для восточного искусства мифологических сюжетов. Только этим можно объяснить малоубедительные высказывания о народном происхождении рериховского Леля и мистическом — Кришны. Между прочим, многие из первых созданных в Индии полотен художника — «Жемчуг исканий», «Песнь водопада», «Песнь утра», сиккимские пейзажи (1924) — вообще не отражали мистических аспектов индийского мировоззрения и даже не имели никакого отношения к восточной мифологии. Они были продолжением или, вернее, углублением того «философского пейзажа», который занимал ведущее место и в первом периоде творчества Рериха.

В искусстве Николая Константиновича всегда ощущалась «переключка» двух аспектов философского осмысления действительности — аспекта «дальнего прицела» (как в прошлое, так и в будущее) с аспектом событий «дня настоящего». Синтезируя зримое в сегодняшнем дне с тем, что уже заволокло пеленой времени или находится еще у порога открытий, художник одинаково использовал и русские народные былины и индийские сказания тысячелетней давности. Однако нельзя не признать, что величественная природа Гималаев оказалась для Рериха наиболее подходящим фоном для передачи своих чувств и идей о космической эволюции человечества, о безграничных возможностях его пытливого гения. И если в 10-е годы искусство Рериха тяготело иногда к символотворчеству, то в индийском периоде наблюдается обратное явление. Художник сознательно отходит от абстрактно-универсальных символов и стремится расширить лексику своих изобразительных средств путем широкого использования реальных элементов хорошо выражающей его духовные искания природы. Это способствовало дальнейшему развитию пейзажной живописи Рериха. В ней с новой силой прозвучали торжественные аккорды возвышенно-прекрасного в сочетании с идеями активного, героического гуманизма.

Индия помогла Рериху реализовать и взгляды на совместимость национального с интернациональным. Сохранив до конца своих дней живые впечатления от родины и не допуская ни малейшей фальши в русской тематике, Рерих сумел с большой проникновенностью постигнуть и творчески воспроизвести в чужеродных образах духовную жизнь других народов. Причем это было сделано с глубиной и знанием, позво-

лившим индийским художественным критикам единодушно сойтись во мнении, что именно русскому художнику Рериху впервые в мировом искусстве удалось по-настоящему показать изумительный горный мир Гималаев, раскрыв его духовную сущность даже для самой Индии. Так Россия и Индия нашли в лице Рериха яркое доказательство интернациональных основ искусства, общечеловеческих принципов реального художественного мировосприятия.

Изучение всего привнесенного Индией в искусство Николая Константиновича — задача искусствоведов. Но даже и не задаваясь ею специально, можно с уверенностью сказать, что без Индии не сложилась бы та неповторимая формула творчества Рериха, к которой он сам сознательно стремился, не состоялось бы Рериха-художника для Рериха-мыслителя.

Обширная научная деятельность, слава большого художника, передовые гуманистические взгляды и поддержка борцов за освобождение Индии сблизили Рериха с прогрессивными кругами индийской общественности и завоевали ему в Индии громадную популярность. Различные научные и художественные съезды и конференции считали своим долгом посылать в далекий горный поселок Нагар приглашения и приветствия. Многие индийские ученые, художники, писатели, общественные деятели поддерживали с Рерихом личное знакомство и сотрудничали с ним. Для Николая Константиновича были широко открыты страницы индийской печати. В «Листах дневника» художник писал: «Установились связи не только с семьею Тагора, но и со многими представителями философской мысли Индии — Свами Рамдас, Шри Васваи, Свами Омкар, Свами Джаганисварананда, Шри Свами Сарасвати...» [12, очерк «Индия»].

Список индийских друзей и публикаций Рериха и о Рерихе в Индии занял бы десятки страниц. Отдельными изданиями вышли книги художника: «Радость искусству» с предисловием С. Радхакришнана, «Прекрасное единение» с введением Б. Гарги и предисловием Абаниндраната Тагора, «Гимават» и «Гималаи — обитель света».

Индия горячо поддержала идею и деятельность Рериха по охране культурных ценностей при военных столкновениях. В декабре 1945 г. в Нью-Йорке возобновил послевоенную деятельность Комитет Пакта и Знамени Мира Рериха. В 1946 г. за Пакт высказалась Всеиндийская конференция культурного единства, а в 1948 г. Пакт был одобрен правительством свободной Индии, возглавляемым Джавахарлалом Неру. В 1954 г. в Гааге на основе Пакта Рериха был подписан Заключительный акт Международной конвенции о защите культурных ценностей, который вскоре ратифицировали многие государства, в первую очередь СССР [подробно см.: 37].

Джавахарлал Неру высоко ценил многостороннюю деятельность Рериха в Индии и встречался с ним лично. В мае 1942 г. он посетил художника в Нагаре. В воспоминаниях Николая Константиновича мы читаем: «Неделю у нас Неру с дочкою. Славный, замечательный деятель. К нему тянутся. Каждый день он кому-то говорит ободрительное слово. Наверно, сильно устает. Иногда работает до четырех часов утра. Святослав написал отличный этюд портрета. Самый портрет будет десять футов вышиной и шесть в ширину. Сзади знамя Конгресса. Говорили об Индо-Русской культурной ассоциации. Пора мыслить о кооперации полезной, сознательной» [13, 236].

Так еще за несколько лет до освобождения Индии будущий лидер ее правительства и русский художник строили планы русско-индийского культурного сотрудничества.

Отношение Неру к Рериху лучше всего характеризуется его словами, сказанными на открытии посмертной выставки художника в Дели в декабре 1947 г.: «Когда я думаю о Николае Рерихе, то поражаюсь размаху его деятельности и богатству творческого гения. Великий художник, великий ученый и писатель, археолог и исследователь, он освещал многие аспекты человеческих устремлений. Уже само количество картин изумительно — тысячи картин, и каждая из них — замечательное произведение искусства. Когда вы смотрите на эти полотна, на которых так часто изображены Гималаи, кажется, что вы улавливаете дух этих великих гор, наших древних стражей, веками возвышавшихся над равнинами. Картины его проникнуты духом нашей истории, нашего мышления, нашего культурного наследия, они говорят нам так много не только о прошлом Индии, но и о чем-то постоянном и вечном, что мы все не можем не чувствовать себя в большом долгу перед Николаем Рерихом, который запечатлел этот дух в своих великолепных полотнах» [32, 2].

Неру вторят и другие прогрессивные деятели Индии. С. Радхакришнан в предисловии к книге Н. К. Рериха «Радость искусству» писал: «Я надеюсь, что эта сильная книга великого провидца пробудит в нас сознание той обыденности, в которой мы погрязли, и поможет нам избавиться от нее». Абаниндранат Тагор открывает сборник художника «Прекрасное единение» словами: «Я счастлив, что на последующих страницах мой друг Николай Рерих выразил то, что чувствует вообще каждый восприимчивый человек в ценностях искусства, в том числе и величайшего, быть может, из всех искусств — искусства жизни». Д-р Калидас Наг пишет о художнике: «Мы благодарны ему за то, что он создал яркий, образный эпос снежных Гималаев. Рерих — первый русский посланец красоты, который принес Индии бессмертные заветы искусства, и мы всегда будем благодарны ему за его вдохновенные мысли и доброжелательную деятельность по сближению России и Индии» [32, 17].

Так в теме «Рерих и Индия» после вопроса о том, что значила для Рериха Индия и что она дала ему, возникает вопрос о том, что Рерих дал Индии? Ответ на него можно получить только после кропотливого изучения индийских архивов.

Конечно, и первый вопрос нельзя исчерпать в пределах одной статьи. Искусство Н. К. Рериха, его научные и философские труды, литературное творчество, его общественная деятельность тесно связаны с Индией и могут служить предметами самостоятельных исследований. Что же касается отдельных этапов, то нам представляется правомерным разделить его деятельность на три периода: 1) Русский период жизни Рериха, период, так сказать, изучения Индии художником и ее влияния на него на расстоянии. Дневники Николая Константиновича, его публикации и переписка до 1917 г., хранящиеся в наших архивах (больше всего в Рукописном отделе Государственной Третьяковской галереи), а также тщательный анализ интерпретации некоторых художественных образов (в основном религиозных сюжетов) могут значительно восполнить наше представление об этой стороне жизни и творчества художника. 2) Период жизни Рериха в западных странах (1917—1923), в котором основное место занимали подготовка к переезду в Индию и усилия художника попасть в эту страну. Эпистолярное наследство Рериха за этот период находится главным образом в частных архивах. Много материала можно обнаружить в «Листах дневника» художника и в стихотворениях из сборника «Цветы Мории», автобиографический характер которых далеко не в полной мере выявлен.

3) Период жизни и деятельности Рериха в самой Индии. Здесь особое место занимают налаживание прямых связей между Индией и Советским Союзом (экспедиция 1925—1928 гг.) и примерно последние десять лет жизни Рериха — интенсивная подготовка к переезду из Индии в Советский Союз. Основные материалы по этому периоду хранятся в архиве Н. К. Рериха (Нагар, Кулу), ими изобилует также переписка художника с его корреспондентами в Прибалтике в 30-е годы (частные архивы) и послевоенная переписка с И. Э. Грабарем, М. В. Бабенчиковым, В. Ф. Булгаковым [см. 3, 252; 14; 15].

С позиций самого Николая Константиновича мы не смогли бы обнаружить изолированной темы «Индия». Перед художником как основная задача жизни всегда стояла проблема, которую можно выразить лишь в сочетании слов «Россия и Индия». Рерих не мог рано или поздно не выехать из России в Индию, как не мог и «променять» Россию на Индию. Преодолев множество трудностей и достигнув Индии в 1923 г., художник не пытался обосноваться там, пока не побывал в СССР и не поставил в известность Советское правительство о своем отношении к Октябрьской революции, о своей неизменной принадлежности к Советскому государству и русскому народу, о своих планах сближения народов Советского Союза и Индии. Он это и сделал в 1926 г. в Москве при свиданиях с наркомом А. В. Луначарским и Г. В. Чичериным. Многие из задуманного Николаем Константиновичем было тогда положительно оценено нашими государственными деятелями. Художнику разрешили посетить Алтай и Бурятскую АССР, помогли оснастить экспедицию в обратный путь на Индию, снабдили ее членов советскими экспедиционными паспортами [подробнее см.: 6, 96].

У Николая Константиновича были все основания считать удачно разрешенной одну из сложнейших для него задач — установление контактов с советскими должностными лицами. Этими контактами Рерих очень дорожил и старался поддерживать их, что было далеко не просто. Англичане, предприняв две попытки не пустить его в Индию, дали ему недвусмысленно понять, что связи с СССР грозят захлопнуть перед ним двери в Индию. В последующие годы всю переписку с Советским Союзом и советскими дипломатами за границей Рериху приходилось вести через третьих лиц, в основном проживавших в Париже и Прибалтике. Так продолжалось до начала второй мировой войны. В годы Великой Отечественной войны Николай Константинович давал знать о себе на родину через Американо-Русскую культурную ассоциацию (АРКА), созданную по инициативе руководителей музея им. Рериха в Нью-Йорке [подробнее см.: 30].

Рериху так и не удалось полностью реализовать свои планы сотрудничества с советскими научными и художественными организациями. Но это была уже не его вина. Все, что можно было сделать в условиях колониальной Индии для поддержания тесных связей с Советским Союзом, он сделал.

Готовиться к окончательному возвращению в СССР Николай Константинович начал после Монгольской экспедиции 1935 г. После этого он уже не выезжал за пределы Индии, а в его дневниках, публикациях и письмах все чаще и чаще появляются упоминания о России. У Рериха не было намерений отстраниться от деятельности возникших по его инициативе научных и культурно-просветительных учреждений и тем более способствовать их ликвидации. Это чрезвычайно усложняло его положение. Ведь достаточно было бы открыто объявить о своем решении переселиться в СССР, как отношение власть имущих кругов к его деятельности в Индии и в западных странах круто изменилось бы и

развал некоторых дорогих его сердцу учреждений оказался бы неизбежным.

Кроме того, Николай Константинович не мог рассчитывать на быстрое оформление нужных документов для въезда в СССР и для ввоза туда из Индии архивов, научных коллекций и картин. Советские дипломаты в Индию не допускались, а испрашивать разрешение через Лондон было рискованно и грозило самыми нежелательными последствиями.

Есть основание полагать, что художник хотел воспользоваться Прибалтикой как промежуточным звеном на пути из Индии в СССР. Так, в письме от 24 августа 1938 г. к Р. Я. Рудзитису и Г. Ф. Лукину (членам правления рижского музея им. Рериха) Николай Константинович просил выяснить возможность пересылки из Индии в Латвию и размещения в рижском музее своих архивов [10].

Имелась у Николая Константиновича и тенденция увеличивать число своих картин в рижском и пражском музеях. Эти картины оставались собственностью художника и могли быть взяты им с собою при переезде в Советский Союз.

В 1940 г. Николай Константинович записывает в «Листах дневника»: «Каждые сборы и радостны и потрясающи. Черта наносимая определяет, но и ограничивает. Не все уместится. Значит, и в Индии приются гости. Кто о них позаботится? Друзей-то мы знаем. Но текуч слой человеческий. Сегодня одни, завтра другие. Достаточно навиделись. Пусть будет, как должно быть. В сборах всегда кроется и начало чего-то. Конец или начало?» [12, очерк «Сборы»].

Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз отняло у Николая Константиновича надежду на скорое возвращение домой, в Россию. Однако изменившаяся политическая обстановка впервые позволила ему более открыто высказывать свои политические симпатии и предпринимать действия, согласные со своими патриотическими чувствами. В Индии были проведены выставки и продажи картин Николая Константиновича и Святослава Николаевича, организованы денежные сборы в пользу русского Красного Креста и на военные нужды Красной Армии. Юрий Николаевич, немного изучавший военное дело, сразу же после открытия военных действий на русском фронте официально выразил свою готовность вступить в ряды Красной Армии. Святослав Николаевич, выступая по радио и с лекциями, особо подчеркивал решающее значение Советского Союза в разгроме гитлеровской Германии. Очерки и воззвания Н. К. Рериха в военные годы отличались публицистической остротой и большим патриотическим напором.

Когда на полях сражений еще гремели выстрелы, Николай Константинович уже ратовал за осуществление своих планов о культурном сотрудничестве между Индией и СССР. В апреле 1944 г. он заносит в «Листы дневника»: «Уже до войны писал я Щусеву и в Комитет по делам искусств о желательности устройства русской выставки в Индии. Была выставка русских военных плакатов, но хотелось бы выставку вообще русского искусства. Хотя бы не тяжелые для транспорта вещи, но достаточно показательные для достижений наших художников. Выставка такая была бы встречена сердечно. Скажут, не теперь, а когда-то после войны. А почему бы и не теперь? Приезжают в Индию и ботаники и энтомологи, а ведь культурно-художественные связи не менее важны и неотложны» [12, очерк «Знаменосцы»].

Сразу же после окончания войны Рерих начал хлопоты о возвращении в Советский Союз. Поначалу корреспонденция из Индии в

СССР шла через Америку. Письма находились в пути до трех месяцев. С установлением воздушного сообщения между Индией и СССР связь Николая Константиновича с родиной стала значительно интенсивней, чем в предвоенные годы. Однако в июле 1947 г. состояние здоровья художника резко ухудшилось. Около трех месяцев он провел в постели, затем ненадолго наступило улучшение. А 13 декабря 1947 г. внезапное ослабление сердечной деятельности оборвало земной путь Николая Константиновича.

Через три дня на гималайских склонах перед домом художника запылал погребальный костер. Здесь вскоре был установлен камень с надписью: «Тело Махариши Николая Рериха, великого друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30-го магхар 2004 года Викрам эры, отвечающего 15 декабря 1947 года. ОМ РАМ».

В доме, где художник прожил последние годы жизни и где хранятся его архивы, теперь учрежден мемориальный музей его имени. О благоустройстве и расширении музея много заботится Святослав Николаевич Рерих. Проживая постоянно в Бангалуре, он ежегодно проводит летние месяцы в Нагаре. В 1964 г., когда повсеместно отмечалось девяностолетие со дня рождения Н. К. Рериха, Святослав Николаевич писал оттуда: «В этом году прибавили еще 25 картин Николая Константиновича. Лично мне кажется, что больше пятидесяти картин здесь выставлять сейчас не нужно. Оформляем постройку особого здания музея. Нелегко, так как подавать строительный материал надо на людях. Большая дорога еще не дошла. Все это берет много времени [...], кругом идут работы по заготовке материалов для постройки, а вокруг памятника Николаю Константиновичу и на дорожках, ведущих к нему, укладываются каменные плиты. Будет хорошо. Очень много посетителей» [24].

В 1957 г., через десять лет после смерти Н. К. Рериха, в Советский Союз переселился на постоянное жительство его старший сын — Юрий Николаевич. Он привез с собой около 400 полотен, отобранных и упакованных в ящики для отправки на родину еще при жизни их создателя. С выставок этих картин в Москве и в других городах Советского Союза началась вторая, посмертная жизнь Николая Константиновича у себя на родине. Его самобытное искусство и вся его многогранная деятельность привлекли к себе заслуженное внимание. В последние годы издано несколько монографий, альбомов и иных исследовательских работ о художнике, в их числе: Ю. Н. Рерих. Листы воспоминаний, — «Приключения в горах», кн. 1, М., 1961; В. П. Князев а. Н. К. Рерих (монография), Л., 1963; «Николай Рерих. Альбом репродукций», вступительная статья А. Юферовой, М. 1970; публикация «Листов дневника» Н. Рериха, «Прометей», историко-биографический альманах. т. 8, М., 1971.

В 1974 г. исполнится 100 лет со дня рождения Николая Константиновича Рериха, и нам представляется, что тема «Рерих и Индия» приобретает в связи с этой юбилейной датой особую актуальность и заслуживает дальнейших исследований.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Беликов П. Ф., Библиография произведений Н. К. Рериха, — «Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 217, Тарту, 1968.
2. Беликов П. Ф., Рерих и Горький, — там же.
- 2а. Беликов П. Ф., Князева В. П., Рерих, М., 1972 («Жизнь замечательных людей»).
3. Булгаков В. Ф., Встречи с художниками, Л., 1968.

4. Ефремов Ю. К., Н. К. Рерих и география,— «Вопросы географии», сб. 50, М., 1960.
5. Журавлева Л., Жизнь, отданная искусству,— «Художник», 1971, № 7.
6. Зарницкий С., Трофимова Л., Путь к Родине,— «Международная жизнь», 1965, № 1.
7. Зелинский А. Н., Памяти Ю. Н. Рериха,— «Известия Всесоюзного географического общества», вып. 3, т. 95, М., 1963.
8. Маковский С., Силуэты русских художников, Прага, 1922.
9. Рерих Н. К., Держава света, Нью-Йорк, 1931.
10. Рерих Н. К., Дневниковые записи (в рукописях) и переписка,— Архив Г. Р. Рудзитис, Рига.
11. Рерих Н. К., Единство (в рукописи),— там же.
12. Рерих Н. К., Листы дневника. Моя жизнь,— Непубликованные очерки из архивов П. Ф. Беликова, Таллин, и И. М. Богдановой, Москва.
13. Рерих Н. К., Пандиджи,— «Октябрь», 1958, № 10.
14. Рерих Н. К., Письма М. В. Бабенчикову,— Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, фонд 2094.
15. Рерих Н. К., Письма И. Э. Грабарю,— «Советская культура», М., 10.XI.1962.
16. Рерих Н. К., Письма В. А. Шибяеву,— архив Г. Р. Рудзитис, Рига.
17. Рерих Н. К., Письма и другие материалы,— Рукописный архив Государственной Третьяковской галереи, фонд 44.
18. Рерих Н. К., Пути благословения, Рига, 1924.
19. Рерих Н. К., Сердце Азии, Нью-Йорк, 1929.
20. Рерих Н. К., Собрание сочинений, кн. 1, М., 1914.
21. Рерих Н. К., Твердыня пламенная, Париж, 1932.
22. Рерих Н. К., Толстой и Тагор,— «Октябрь», 1958, № 10.
23. Рерих Н. К., Цветы Морни, Берлин, 1921.
24. Рерих С. Н., Письмо П. Ф. Беликову от 22.V.1964,— Архив П. Ф. Беликова, Таллин.
25. Рерих Ю. Н., Экспедиция академика Н. К. Рериха в Центральную Азию,— «Вопросы географии», сб. 50, М., 1960.
26. Рерих Ю. Н., Вампилов Б. Н., Виктор Викторович Голубев,— «Проблемы востоковедения», 1959, № 3.
27. Роллан Р., Собрание сочинений, т. XIII, М., 1958.
28. Рылов А., Воспоминания, М., 1954.
29. Тагор Р., Собрание сочинений, т. 12, М., 1965.
30. American-Russian Association Ins. Annual Reports, New York, 1944—1947.
31. Nicholas K. Roerich. Bibliography (1889—1936), Karachi, 1936.
32. Nicholas Roerich by His Contemporaries (a Few Excerpts), Bangalore, 1964.
33. Roerich G. N., Sur les pistes de l'Asie Centrale, Paris, 1933.
34. Roerich G. N., Trails to Inmost Asia, London, 1931.
35. Roerich N., Altai Himalaya, New York, 1929.
36. Roerich N., Shambala — the Resplendent, New York, 1930.
37. Shibayev V. A., The Roerich Pact and Banner of Peace (Aims and History), Lahore, 1935.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ниже впервые публикуются очерки Н. К. Рериха из третьей подборки «Листов дневника». Очерки написаны в 1934—1947 гг., систематизированы и пронумерованы самим автором, составившим три подборки. Первая из них содержит 222 очерка, вторая — 92 очерка и третья — 659 очерков. Двум последним подборкам, содержащим много автобиографического материала, Н. К. Рерих присвоил дополнительно название «Моя жизнь». Полный комплект подборок находится у С. Н. Рериха (Бангалур, Индия). Предлагаемые очерки взяты из архива П. Ф. Беликова.

Наггар

Поднялись из Дарджилинга со всеми вещами, чтобы переехать в старинное место Наггар. Берега Беаса связаны и с Риши Виасой, собирателем Махабхараты, и с Александром Великим, войско которого не пошло дальше этой горной реки. Здесь проходили и Будда и Пад-

ма Самбгава, здесь жил Аржуна и другие Пандавы. Недалеко Манали — от Ману. Горячие ключи Басишту и долина Маникарн-Парвати с серебряной рудой. Через Ротанг — уже тибетская природа. Все скопилось в изобилии... Древняя Кулута!

К Рождеству 1928 года доехали до Наггара (по-русски Вышгород). Еще не перешли Беас, из Катрайна увидели высоко на холме дом. «Вот там и будем жить». Нам говорят: «Невозможно! Это поместье раджи Манди. Дом не сдается». Но если что-то должно быть — оно и делается. Все устроилось, несмотря на немалые препятствия. Все-таки преодолели.

На север от нас — Манали, Аржунгуфа, Джагадсуг, Басишта, а за ними снежный Ротанг. Путь на Тибет, на Кайлас, на Ладак, на Хотан — через Гоби — на Алтай. Древний путь.

На восток — Чандер Кани перевал — за ним Малана (особый монхмерский язык) — Спити — Тибет.

На запад — Бара Бхагал, — а за хребтами Кашмир, Пир Пензал, а там и Памир.

На юг — дорога на Симлу, на Манди, на озеро Равалсар, а там и жгучие равнины Индии.

Наггар — место древнее. Несколько старинных храмов. Когда-то здесь были, по словам китайских путешественников, буддийские вихары. Теперь и следа не осталось. Сохраняется предание, что где-то здесь захоронены священные книги во времена тибетского иконоборца Лангдармы. Покровитель долины Нар Синг иногда показывается в виде старца в белом. Гуга Чохан, старый раджпутский Раджа, тоже почитается хранителем долины.

Разных богов в долине — триста шестьдесят. У нас письменное условие между богом Джамлу, британским правительством и нами о пользовании водою. Гремят барабаны и режут длинные трубы, когда боги посещают друг друга в дни ярмарок. В лесу затерялся храмик — там подвизался отшельник Пахари Баба. Деодары, сосны, дубы еще теснятся по склонам, но много лесов уже нарушено. Внизу под холмом, на старой дороге звенят колокольцы каравана. Чарует зов караванный. Откуда? Куда? С какими вестями?

1937 (№ 49)

Выставки

Несмотря на армагедонные дни, наша выставка прошла очень удачно. В Индоре останутся двадцать две картины. В день открытия махараджа пожертвовал Русскому Красному Кресту на медикаменты 50.000 рупий. Пришла телеграмма о желании военного фонда иметь моего Александра Невского. Поехал Александр Невский. Так русская выставка творит русское дело.

И в Бароде удачно. Затем Ахмедабад и Траванкор. Мадрас и Люкноу хотя выставку, но вряд ли подойдет по времени. Святослав пишет из Бароды: «Выставка будет продолжена. Народу на эту выставку идет масса. Прямо тысячи валят каждый час. Никто ничего подобного не видел. Все кругом запружено толпами. Здесь заметно обратное от Индора. Там было прогрессивное правительство, а здесь народ. Я говорю раза четыре в день и иногда перестаю даже двигаться от усталости. С раннего утра до вечера я с толпами и среди людей. И, нужно сказать, еще выдерживаю напряжение. Мехта послал правительству свою рекомендацию о покупке картин. Шастри, хранитель музея, тоже дал свою рекомендацию. Все в порядке и все прекрасно».

В Ахмедабаде много добрых знаков. Выставка устроена Обществом поощрения и развития искусства в Индии (Бхарат Кала Мандал). Президент бар. Чинубай, председатель Р. Равал. Отпечатано сердечно составленное приглашение. В газетах отзывы, жаль, что здесь никто по гуджарати не читает. В Мизиндии большая статья Тампи. В Таймс оф Индия хорошая статья, также и в журнале Индора и в Хинду проф. Варма отлично пишет.

Кончаю «Горыныч», «Грозный» и «Силы Небесные с нами невидимо служат». Кончил «Огни победы». Начат «Александр Невский» — Победитель на поле битвы. Начаты «Борис и Глеб», спешающие на помощь.

В Сколяр появился «Горький». В Модерн Ревью послан «Иконный терем». В двух цейлонских журналах «Шамбала». В Вижен — «Радж Раджесвари», «Царица Небесная» и «Мир». В Пиес — «Здоровье». Повсюду сочетались две темы — Русь и Гималаи.

30 декабря 1941 (№ 309)

Гималаи

Вот и еще две гималайские темперы ушли. Многие сотни их улетели. Иногда бывает жаль, что они так скоро бесследно исчезают. Не жаль самих вещей — пусть себе путешествуют. Может быть, поражают кого-то! Но жаль, что нельзя по ним сложить панораму наших азийских странствий. Бывает, мы с Еленой Ивановной по ним вспоминаем многое пережитое — вершины, восходы, закаты, бури, снега, радость солнца, горные озера, реки, водопады, орлиные гнезда монастырей тибетских...

Трудно будет без Гималаев, без долины Кулуты, без снежных перевалов. Вот тогда и пригодились бы путевые темперы. Портативны они. Даже при малом багаже возможно иметь их хоть сотни три-четыре. Но многое уже разлетелось и по Индии, по Америке, по Европе. Этих странников уже не сыскать. И теперь Елена Ивановна любит иногда просмотреть эту горную страну и вспомнить все радости нашего странствия, все преодоленные трудности, встречи и добрые и недобрые.

Конечно, память в складках своих хранит все такие вехи и при случае показывает их. Но иногда Елена Ивановна любит и в красках посмотреть азийскую панораму. Гималаи! Сколько к ним устремлений. Как широка и как прекрасна эта обширная горная страна. Крыша мира. От Памира через весь Тибет, от Куэн-Луна до индийских равнин — неизмеримо в красоте многообразной.

Когда мы шли после Танглы через перевалы в 22.000 ф., кругом вставали несчетные снеговые вершины. Кто побывал во всех этих извилинах и ущельях? Много ли видели легуны над Эверестом? Да и то говорят, что они вместо Эвереста сняли Макалу. Велика литература о Гималаях, но мала она сравнительно. И каждый-то день что-то новое и чудесное, и грозное и прекрасное.

Гималаи! Вот перед нами на север две вершины Гепана в 23.000 футов, так схожие в очертаниях с Белухой. Каждый день новое освещение, новые небеса. Суровый перевал Ротанг — нынче под ним в Рале семьдесят локтей снега. Все неисчерпаемо, ново и чудесно. Неповторяемы очертания камня. Самоцвет!

24 марта 1943 (№ 392)

Королевское Азиатское Общество в Бенгале обратилось к Юрию с предложением сделать во время юбилейных празднеств доклад о сношениях Индии и России. Именно Юрий может сказать авторитетно на эту тему. У него собран богатейший материал. Как истинный историк, он умеет говорить беспристрастно, а это сейчас редко встречается. Кроме обширного научного, имеется литературный и художественный материал, доказывающий, как издавна было русское сердце открыто к красоте Индии.

Переводы Жуковского «Наль и Дамаянти», «Бог и баядера», Бальмонт — «Асвагоша», «Сакунтала», Бальтрушайтис — «Бхагават Гита» и «Гитанджали» Тагора. «Садхана» и другие произведения поэта широко читались в русских просторах. Мои «Лакшми Победительница», «Девассари», «Гайатри» появлялись в московских «Весах» и в других изданиях. «Индийский путь» оказался как бы предвестником волны внимания к Индии.

По Руси восторженно читались «Провозвестие Рамакришны» и пламенные книги Вивекананды. Во время построения Буддийского храма и мечети (доказывавших широту воззрения народа Русского) возникла мысль о перевозке в Питер древнего индусского храма. Этот эпизод должен быть отмечен. Из своей последней поездки в Индию Щербатской вернулся с идеей перевезти древний индусский храм. Вместе с мечетью и Буддийским храмом такое прекрасное привхождение было бы и современно и замечательно. Мы схватились за предложение Щербатского.

В скромной квартире сестер Шнейдер (племянниц Минаева) в составе комитета Буддийского храма мы обсуждали, как привести в исполнение мысль Щербатского. Местные расходы были не так велики, и наша трудовая складчина могла бы их осилить. Но вопрос транспорта был много труднее. Следовало послать архитектора, который бы тщательно промерил и пронумеровал все части храма. Затем в разобранном виде поездом доставили бы храм в Бомбей, где все было бы погружено на пароход Добровольного флота для прямой доставки в Питер.

Список расходов стал сильно возрастать. Флот не соглашался даром доставить такой тяжелый груз. Завязалась бесконечная волокита, денежная помощь не явилась, и нам горестно пришлось сложить оружие. А жаль, безмерно жаль — ведь индусский храм в Питере был бы таким прекрасным знаком дружбы. Почему быть лишь в Баку храму Большого Огня?

В Калькутском музее одиноко висит большая картина Верещагина из серии «Индия — Гималаи». Где же все прочие? Вот две маленькие книжки жены Верещагина об их гималайских — индусских поездках. Написаны довольно примитивно, но и за то спасибо. Как нужен инвентарь русских произведений — иначе летопись русского искусства будет неполной. Вот после выставки в Сан-Луи восьмьсот русских картин канули в бездну, а где они? Много русских прошло по Индии — Сталь, Голубев, Авинов, Ростовцев, и только в забытых журналах имеются их заметки. И теперь бывали Вавилов, Щербиновский, Ульянишев, Перов — многие, но и эти путники прошли почти без следа.

Давно хотелось иметь индусский музей в Питере. Помню, с грустью мы узнали, что Виктор Голубев подарил свои индийские собрания в музей Гимэ и в музей Чернуцкого. Мы надеялись, что он уделит хотя бы часть для нашего Музея Императорского Общества Поощрения

художеств. Впрочем, где этот музей? И еще мечтали мы послать стипендиатов нашей школы в Индию, но тут помешала война.

Где-то по русским просторам странствует книга «Основы буддизма» Наталии Рокотовой (псевдоним Е[лены] И[вановны]). Читались с радостью книги об Индии Рагозиной. Теперь, как говорят, на Руси книги поглощаются читателями. Хочет знать русский народ и в широком познании приобретает великую мощь. О друзьях, о братьях хочет узнавать народ. Если кто может помочь такому доброму познанию, пусть сделает безотлагательно. Хотелось иметь в Индии русскую выставку, о чем я писал Потемкину, Грабарю, Щусеву — не знаю, дошли ли письма? Почта трудна. Святослав выхлопотал у здешнего Правительства разрешение на русскую фильмовую выставку здесь. И такое ознакомление желательно.

В гряде разрозненных сведений трудно понять, где нечто обособленное и где осколок целого ряда событий. Афанасий Тверитянин был в Индии и ценно запечатлел свое странствие. Но ведь таких наверно было много, но следы их завалены грозными обвалами. Множество костей белеют на караванных путях. Индусские селения на Волге, но почему на одной Волге? Ведь жил индусский раджа в Яблоницах под Питером.

Монах оставил свои записи о Гималаях, но таких хождений было много, и немало странников устремлялось в Беловодье. Вот недавно Сураварди был причастен к Московскому Художественному театру, но и в иных местах могли быть друзья — сотрудники. Цыганка ворожит — «Кала пани», помня свой исход из далекой Индии. Сибиряк повествует об Иосафе Царевиче Индийском. Веды — ведать. Дом — дама. Дым — дхума. Дэва — Див. Лель — чудный пастух. Лал — красивый, прекрасный. Открыто прекрасное сокровище народов.

20 ноября 1945 (№ 559)